

Карева Софья Юрьевна

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1921-1922 ГГ.)

Данная статья представляет собой исследование общественных настроений жителей Тамбовской губернии в первые годы нэпа. Источниками исследования стали государственные информационные сводки, доносы и заявления, письма в местные газеты и публикации селькоров. Автор описывает изменения в самосознании крестьян, рабочих и служащих губернии, а также мнение населения относительно таких важных вопросов как политика власти, отношение к религии, классовые разногласия и другие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 59-62. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

Данная статья представляет собой исследование общественных настроений жителей Тамбовской губернии в первые годы нэп. Источниками исследования стали государственные информационные сводки, доносы и заявления, письма в местные газеты и публикации селькоров. Автор описывает изменения в самосознании крестьян, рабочих и служащих губернии, а также мнение населения относительно таких важных вопросов как политика власти, отношение к религии, классовые разногласия и другие.

Ключевые слова и фразы: Тамбовская губерния; общественные настроения; крестьянство; советская деревня; нэп.

Карева Софья Юрьевна

*Тамбовский государственный технический университет
sk.jobstuff@gmail.com*

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРИОД ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1921-1922 ГГ.)[©]**

Пришедшая на смену «военному коммунизму» новая экономическая политика, застала население Тамбовской губернии, буквально, на пороге смерти, что подтверждается исследованиями историков [1; 3; 4; 10-13]. Такое положение делало любые реформы настолько значимыми, что каждый день меняли настроение общества в ту или иную сторону, о чем свидетельствуют данные исследования автора.

Изучение общественного настроения на данном этапе было построено в большей степени на материалах государственных информационных сводок, которые направлялись в Москву почти каждый день, а также на публикациях из местных газет. Стоит отметить, что выбранные источники чаще всего фиксировали отрицательные моменты, которые волновали население. Однако можно выделить и положительные. Так, в целом, чувствуется общая надежда на светлое будущее, которое будет построено на идеях В. И. Ленина. На страницах газет, к примеру, постоянно отмечаются достижения соотечественников в деле советского строительства и общего улучшения жизни, например: «Освещение Козлова можно считать вполне законченным. Работает более 40 электрических фонарей. В несколько дней были приведены в порядок столбы, провода и т.д.» [5]. Тем не менее, первые годы становления Советского государства можно назвать скорее «сложными», чем «спокойными» или «счастливыми» для населения губернии. Поэтому внимание автора, в первую очередь, было сосредоточено на проблемных вопросах, которые влияли на общее настроение тамбовчан.

Естественно, главной проблемой для Тамбовской губернии 1921 года было крестьянское восстание. В каждом номере газет находим заголовки «Перелом на бандитском фронте», «Общими силами на бандитов», «Бандитам скоро конец», «Спешите покончить с бандитами» и тому подобные. К этому времени в деревне уже не знали, что выбрать: Антоновцев, обещавших крестьянскую власть и сомнительные блага, или отбирающих продналоговый хлеб большевиков. «...Настроение крестьянских масс в связи с частичными нашими неудачами по ликвидации бандитизма неустойчивое», – пишет в своем отчете неподписавшийся Ответственный Секретарь Тамбовского Губкома. – «Наблюдается усталость. С одной стороны, красноармейцы наших действующих частей занимаются мародерством, поборами, конфискацией последних лошадей и т.д., с другой – и банды бандитов также мародерствуют, отнимают лошадей, продовольствие, предметы домашнего обихода и т.д.» [14, с. 387]. «Настроение крестьян после бесконечных налетов резко меняется, чувствуется определенное желание поскорее покончить с этим движением» [2, д. 1042, л. 2].

В губернии царил разуха, страх перед «бандитами» (так называли в деревне всех, кто нарушал спокойствие и побуждал к бунту) не давал спокойно жить крестьянам, а отсутствие средств к существованию угнетало рабочих. Последним, в то время как деревенские жители ждали урожай, не на что было надеяться: «Политическое состояние населения губернии за отчетный период времени по причине тяжелого предположения ухудшилось. Среди рабочих это вывисло в целом ряде отмеченных волнений и забастовок, понижением производительности, в прогулах и трудdezертизме. Так рабочие Рассказова Тамбовского Уезда понизили производительность на 30% и на собраниях кроме продовольственного вопроса других обсуждать не желали. На этой же почве по сообщениям с мест стали развиваться кражи производимых фабрикатов, а равно и сырья. Тяжелое продовольственное положение породило среди всех рабочих слоев пассивность к общественной жизни» [Там же, л. 71]. Так как почти все внимание занимали бунтующие крестьяне, рабочие губернии фактически выпали из поля зрения партии. Сводки свидетельствуют о том, что «скверное» жилищное положение, бездействие комиссии по улучшению быта рабочих и отсутствие охраны труда делало их оторванными от широких пролетарских масс, за что они, в свою очередь, платили недоверием и враждебностью.

Отдельно нужно сказать об отношении к Советской власти и коммунистам – оно было неоднозначным. Коммунистов не отождествляли с Советами, настроения по отношению к ним колебались от «враждебного» к «пассивному», в то время как к Советской власти отношение почти все время было «сочувственное». Ввиду

того, что образ Советов был скорее метафорический, изменить взгляд крестьян на него достаточно было ударной агитацией, которую проводили в целом по стране, но которой было недостаточно в провинции. Ярким доказательством этого может служить выписка из информационной сводки Рассказовского Политбюро за 15-31 мая 1921 года: «Настроения крестьян уезда резко изменилось в благоприятную сторону с Советской властью что доказывает митинг в одном из сел уезда, где выступил Военком Отдельной кавбригады, на тему Советское строительство, после доклада крестьяне со слезами на глазах заявили, что они три года ничего подобного не слушали и просили совета, как поступить, чтобы вернуть сыновей из банды» [Там же, л. 67].

А коммунисты, которых пытались выдвинуть на все руководящие должности, вели себя во многих случаях неподобающим образом: «Например: бывший председатель <...> Беляков находившийся под судом, обвинялся в пьянстве и дискредитировании Советской власти, за что из партии исключен не был и по-прежнему занимает ответственную должность в Ураспреде, также есть другие партийные лица, которые занимаются систематическими хищениями, и также остаются безнаказанными, все это порождает в массе недоверие к коммунистической партии» [Там же, д. 1025, л. 47]. Причин этому было много, а одна из главных – почти полная оторванность власти на местах от центра, плохие условия коммуникации. Это порождало, с одной стороны, кризис власти, с другой – смятение в умах людей: кому верить, как жить? Крестьяне, а именно они составляли большинство населения губернии, не могли однозначно относиться к новой жизни и новой экономической политике, потому что в их жизни «новым» был ужасный голод, который заставлял их травиться суррогатами и умирать [14, с. 445].

Малограмотные крестьяне не читали газет, поэтому не могли следить за обстановкой в стране. Это, а также отдаленность деревни от города, привело к тому, что в некоторых уездах кулаки и духовенство брали на себя смелость, по словам составителей сводок, искажать правду: «В деле затемнения и затрачивания адом кремешным темное крестьянство широкое место занимает духовенство <...> В некоторых селах районов восстания попы в церквях поминают не за упокой, а за здравие Николая II с его семейством. Как например наблюдался случай в с. Курдюках Кирсановского уезда. Предварительно поп вел определенную контрреволюционную агитацию с амвона и не встретивши возражения среди прихожан очевидно убедился в отсутствии за ним слежки – приступил к поминовению царского семейства. <...> Мельком проскользнувшие в деревню известия о событиях в Кронштадте, кулачеством деревень рисуются в широких красках. Они говорят что взят Кронштадт, взят Петроград также и Москва, в Петрограде созывается учредительное собрание, что скоро их «жулацкая» революция прокатится и по провинции и т.д. <...> И приехавший в Губернский город бедняк чувствует себя совершенно в ином свете, но сказать там в деревне по возвращении из города, «что мол везде все благополучно и Советская власть крепка» – нельзя, ибо в деревнях организованное кулачество в корне пресекает подобного рода слухи» [2, д. 1051, л. 2].

Такое положение дел вряд ли возможно было изменить в условиях бездействия губернской партийной ячейки. Так об этом пишет председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко в своем докладе в Реввоенсовет Республики о положении дел в Тамбовской губернии и деятельности комиссии за период с 16 февраля по 3 марта 1921 г.: «Информационно-инструкторский отдел губкома отсутствует, отчеты в ЦК не посылались 2 месяца, никакой руководящей работы со времени 10-й партийной конференции. Агитпропотдел с января месяца почти бездействует, в нем один беспомощный секретарь, губкомом представлен сам себе. Связь с местами случайна, никакого руководства со стороны губкома. Обильные факты свидетельствуют о разложении местных организаций, начавшемся с января, особенно усилившимся со времени 10-й партконференции (начало февраля). Укомпарты (вплоть до обычно дисциплинированного Моршанского) упорно не выполняют распоряжения губкома о переводе различных работников. Расцвела отчаянная склока, подрывающая всякую работу (Усмань, Козлов, отчасти Темников и др.). Крайний упадок партдисциплины, откровенное пьянство, беспардонная травля ответственных работников, беспринципная демагогия со стороны коммунистов не только на общих собраниях, но и на беспартийных конференциях (напр., в Тамбове – на красноармейской). Массовый выход из партии – организация ослабела численно с ноября месяца почти вдвое. Всякое проявление недисциплинированности, весь разнобой в работе и само отсутствие работы прикрывается торжественным именем «рабочей демократии»» [8, д. 2574, л. 6 – 9 об.].

Главная причина такого положения дел, как и в других губерниях – голод и плохое материальное обеспечение. Однако если крестьяне, как было упомянуто выше, надеялись на себя и урожай, горожане ничего не могли ожидать, поэтому просто саботировали: «Настроение совслужащих также ухудшилось, их мещанское «брюзжание», судя по агентурному материалу, вылилось в определенную форму недовольства. Среди них в отмеченном периоде начинают прогрессивно увеличиваться саботаж и прогулы, производительность падает в некоторых случаях до «ничего неделания». Причиной ухудшения политнастроения совслужащих послужило опять-таки обострившееся предположение, в итоге которого последовало прекращение выдачи пайка» [2, д. 1042, л. 71].

Качественные изменения принес 1922 год. Изменились сводки из уездов, в которых полностью избавились от бандитизма: «Хозяйственная сторона деревни начинает улучшаться, частично крестьяне переходят к ремонту своих домов, сараев, риг и проч.» [Там же, д. 1809, л. 1]. «Политическое состояние уезда вполне спокойное и устойчивое», – пишет секретарь Темниковской организации в отчете за май 1922 года. – «Хорошие виды на урожай упрочняют то настроение, которое было отмечено за апрель месяц. Это настроение чисто деловое: забота о полях, о посеве яровых поглощает все внимание, все силы крестьянства» [Там же, д. 1810, л. 39].

Но бандитизм – не единственная проблема губернии: «В одной из волостей Липецкого уезда в связи со сбором забронированного картофеля толпа крестьян, вооруженная вилами и копьями, пыталась избить милиционеров» [14, с. 619]. «Голод усиливается. В Кирсановском уезде зарегистрированы 10 случаев голодной смерти. <...> Комиссии помощи голодающим не дают реальной помощи голодающим. Сильно развиты заболевания на почве голода. Борьба с эпидемией тормозится недостатком средств, топлива и медикаментов» [Там же, с. 602].

Всплеск жалоб и доносов на чиновников с указанием конкретных лиц повлекли за собой кадровые чистки: «В Ивановском совхозе Тамбовского уезда заведывающий нуждается в маленьком лечении: он страдает –манией величия», держит себя как хозяин, к крестьянам и рабочим относится возмутительно, грубо и высокомерно» [6], «Председатель домкома по Флотской № 12, не считаясь с мнением жильцов настоящего дома и без ведома на то высшей инстанции, начал уже третий день самостоятельно производить вырубку деревьев» [9] и тому подобные. Переломным моментом в вопросе регулирования работы совслужащих стала смена состава Губкома.

Но, тем не менее, выбранные в состав местных Советов (часто с применением подкупа, силы и угроз) зажиточные тамбовчане не могли и, по словам руководства ячейки, не хотели выполнять директивы ЦК. «Разсматривая что мы сделали практически, приходится сказать, что сделано очень мало, если даже ни нуль, но на бумаге вынесли постановления и деклараций целую гору» [2, д. 1398, л. 68], – пишет зампредседателя Президиума Губсовнархоза губернии Д. Г. Кузнецов. Это вылилось не только в недовольство простого населения, но и в застой всей губернии в экономическом и политическом планах. Однако благодаря регулярным информационным сводкам, внедрению информаторов, посещению уездов комиссиями из Тамбова ситуацию удалось изменить. «Кулачье хотело всеми способами пройти в волостные сельские советы <...> во многих местах были случаи, когда кулаки поили крестьян самогонкой, как это было в Архангельской и М. Грибановской волости, угощали бедноту, и предлагали, чтобы их провели в Совет. Беднота принимала все эти угощения, и в результате на перевыборах проваливали кулаков и добавляли, что за четверть самогона Советскую власть не покупают» [Там же, д. 1809, л. 11].

Вопреки недостаткам совработников в умах людей сформировался четкий образ «советского человека»: это тот, кто много и тяжело работает, чтобы построить справедливое и счастливое будущее (*орфография оригинала сохранена – прим. автора С. К.*): «Прошу Вашего распоряжения отзыва меня из Тамбгубчека. Ибо я по духу не чекист и в органах чека я немогу работат лишь потому что я не желаю быть чиновником и лодырем и тунеяцем. Ибо я по духу рабочий» [Там же, д. 1397, л. 38], – подтверждает эту мысль в своем заявлении сотрудник Тамбгубчека Владимир Бирюков. Помыслы советского человека чисты, и он точно не кулацкого происхождения: «Часто приходится наблюдать такие картинки: к рынку на советских лошадях подкатывают «совбарыни» и, отправляясь за покупками, заставляют часами мерзнуть кучера. А «военные» барыни – те поважнее – шествуют по рынку в сопровождении оборванного красноармейца, несущего за своей «увелительницей» корзину с провизией. Как в «доброе» старое время. Разве советские лошади должны служить для выездов совбарынь на рынок? Разве красноармейцы призваны быть прислугой досужих барыней? В Советской России не место таким безобразным явлениям. Кому об этом ведать надлежит – положите этому конец. Надо одернуть онэпившихся совбуров» [7].

При этом про новую экономическую политику говорили только на страницах газет, которые пытались по указанию сверху просветить население. Народ же не видел в нэпе ничего хорошего: «Крестьяне теперь говорят: хорошо для спекулянта, а не для нас, а мы с дурру кричали о вольной торговле, а теперь хлеб 2 1/2 миллиона, а ситец 7 миллионов чтобы купить лошадь нужно продать 400 пудов хлеба и этот вопрос волнует мужика и безусловно соотношение фабрикантов очень неравное и спекулянты пока хотя и не очень сильны, но пользуются моментом» [2, д. 1809, л. 1]. Так, из Козлова пишут: «Недовольство НЭП усиливается. <...> деревенские коммунисты плохо понимают новые методы работы, некоторые думают, что партия потеряла свое влияние» [Там же, л. 38 об.]; в Моршанске: «НЭП все острее дает себя чувствовать даже в наших уездных условиях, и ее отрицательные влияния отражаются не только на мещанском элементе, но захватывают некоторых наиболее неустойчивых лиц и из бывших рабочих. Нарастание торгашеских кабаков, с миллиардами, крепкими напитками и проч. прелестями грязного пошиба имеют значительно скверные последствия» [Там же, л. 118] и т.д.

В это же время нарастает волна различных настроений относительно антирелигиозных кампаний, которые варьируются от абсолютно апатичных до резко отрицательных.

Несмотря на то, что отделение церкви от государства началось еще в 1917 году, массовый характер в Тамбовской губернии гонения на духовенства приняли только после декрета об изъятии церковных ценностей. Сначала комиссии по изъятию принимали довольно холодно, кое-где очень агрессивно. В основном сопротивлялись таким мерам самые отдаленные уезды и в большей степени зажиточные крестьяне: «Духовенство ведет усиленную агитацию против изъятия церковных ценностей. Кулацкие элементы распускают провокационные слухи о том, что золото попадет евреям-коммунистам» [14, с. 594].

Однако в целом, после изучения источников, складывается мнение, что население поддерживает политику власти в антирелигиозном вопросе. Уже в октябре 1922 года появляются сводки с подобными историями: «В городе издавна есть обычай брать в конце сентября по старому стилю из ближайшего монастыря икону Казанской Божьей Матери и обносить ее по домам, при чем встречать ее выходит чуть ли не весь город. В этом году многие домохозяйства не принимали в свои дома икону, а кружечный сбор при встрече иконы выразился в нескольких десятках рублей и не оправдывает расходов по оплате гербового сбора на получение священством разрешения из УОУ встретить икону» [2, д. 1810, л. 64].

Очень показателен в этом плане отрывок из политического письма в Губком, в котором ответственный секретарь одного из Укомов пишет про реакцию населения на раскол Церкви: «Граждане на общих собраниях вообще говорили и да и нет, вернее какая будет, в такую и будем ходить, т.е. абсолютная апатия, люди буквально не возражали ничего, а духовенство боясь, что их сменят, отнимут доходы, стало на путь новой живой церкви <...> масса остается пассивной, трудно понять и изучить ее, что она из себя представляет. Прикрывается она действительно сознательно верой, или она вообще ничерта не верит, но не хочет этого признать открыто. И изучая этот вопрос на месте приходится почти что сказать последнее, так как масса относится безразлично и к новой и старой церкви за исключением старух дряхлых, которые болтают, что это антихрист приехал или переодетые коммунисты, вобщем целый ряд глупых фантазий» [Там же, д. 1809, л. 3 об.].

В целом, конец 1922 года отмечен ростом сознательности крестьян, которые поняли, что они превратились из батраков в реальную силу, к нуждам которой прислушиваются: «В широких слоях крестьянской массы появилось раздражительное недовольство, местами является и недоверие. Причиной этому послужили высокие ставки продналога, который в сравнении с прошлым годом увеличился в три раза <...> В связи с этим развивается паломничество крестьян ходоков в центр, к дедушке Калинину, так как по их убеждению местная власть их опутывает» [Там же, л. 22]. К концу 1922 года появляется все больше сообщений, свидетельствующих о том, что население начинает проявлять инициативу по выявлению «несоответствующих элементов», крестьяне стремятся к знанию, рабочие организуют кружки по интересам. Поэтому можно сказать, что к началу 1923 года в губернии начинается новая жизнь.

Список литературы

1. **Баланцев А. В., Слезин А. А.** Антирелигиозная деятельность раннего комсомола как фактор формирования общественных настроений российской провинции // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2012. № 10. С. 30-33.
2. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области.** Ф. 840. Оп. 1.
3. **Дик А. А., Слезин А. А.** Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 4. С. 1044-1046.
4. **Есиков С. А.** Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921-1928 гг.): монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. 120 с.
5. **Л-ов.** Козлов освещен // Тамбовская правда. 1922. 15 ноября.
6. **Переход на личности** // Тамбовская правда. 1922. 19 сентября.
7. **Пора одернуть** // Тамбовская правда. 1922. 26 сентября.
8. **Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории.** Ф. 5. Оп. 1.
9. **Самочинная порубка деревьев** // Тамбовская правда. 1922. 24 сентября.
10. **Скребнев В. А.** Становление рабселькоровского движения в тамбовской губернии (1921-1928). СПб.: Нестор, 2006. 105 с.
11. **Слезин А. А.** История Тамбовского края: век XX-й: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2006. 91 с.
12. **Слезин А. А.** Молодежь и власть. Тамбов, 2002. 220 с.
13. **Слезин А. А., Чеботарев С. А., Провалова Л. В. и др.** Тамбовский комсомол: грани истории. 1918-1945. Тамбов: Пролетарский светоч, 2008. 467 с.
14. **Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939:** документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 1. 1918-1922 гг. 864 с.

PUBLIC ATTITUDES IN TAMBOV PROVINCE DURING PERIOD OF TRANSITION TO NEW ECONOMIC POLICY (1921-1922)

Kareva Sof'ya Yur'evna
Tambov State Technical University
sk.jobstuff@gmail.com

The article presents a study of Tambov province residents' public attitudes in the early years of NEP. Public information reports, denunciations and statements, letters to local newspapers and publications of village correspondents are the sources of the research. The author describes changes in the consciousness of the peasants, workers and employees of the province, as well as the public opinion of the population regarding such important issues as authorities' policy, attitude towards religion, class disagreements, and so on.

Key words and phrases: Tambov province; public attitudes; peasantry; soviet village; NEP.